

А. А. Калашиникова
СПБНИИ РАН, Санкт-Петербург, Россия. aastafieva@eu.spb.ru

ИНСТИТУТ ДОКЛАДА В РУССКИХ ЗЕМЕЛЬНЫХ СУДЕБНЫХ ДЕЛАХ XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI в.

В статье проанализирован институт доклада в земельных судебных разбирательствах XV – первой половины XVI в., когда дело передавалось для дополнительного рассмотрения судье более высокого статуса. Уточнено понятие судебного доклада и его отличие от судебной инстанции. Рассмотрено, как процедура доклада отразилась в формуляре судебных документов. Формулы, при помощи которых фиксировался судебный доклад, сопоставлены с формулами докладных сделок (купли, обмена, раздела, вклада). Автор приходит к выводу, что доклад как часть судебной процедуры не следует смешивать с докладом – заверением сделки. Это были разные по содержанию процессы, которые имели одинаковое название.

Ключевые слова: институт доклада, земельный суд, правые грамоты

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90053.

Доклад был важнейшей процедурой земельного суда XV–XVI вв. По нашим подсчетам, более половины сохранившихся русских судебных документов XV – первой половины XVI в. (165 из 298) сообщают о том, что земельные споры не решались судьями на месте разбирательства, а передавались для дополнительного рассмотрения на доклад. Именно от этой процедуры зависел выбор вида судебного документа и способ его заверки. Однако это понятие нуждается в уточнении, поскольку на его счет нет единого мнения среди исследователей. Кроме того, необходимо выяснить, чем судебный доклад отличался от докладных сделок и существовало ли родство между их формулярами.

Источниками статьи стали все известные на сегодняшний день судебные документы XV – первой половины XVI в. (298 единиц) [Калашиникова, 2021, с. 233–280]. Сохранившиеся судебные документы относятся преимущественно к земельному суду, тогда как уголовных дел от этого периода дошло всего 20¹.

Плохая сохранность неземельных дел не позволяет делать репрезентативные выводы о применении доклада в уголовном судопроизводстве. Тем не менее можно утверждать, что процедура доклада использовалась и в уголовном процессе. Об этом нам известно из законодательных норм. Так, согласно Судебнику 1497 г., недельщику запрещалось без доклада отдавать на поруки воров, находящихся у него под арестом (ст. 35)². Эта же норма встречается и в Судебнике 1550 г.: «А у которого неделщика сидят тати, и ему татей без доклада на поруки не дати и не спродати татя»³. Ст. 14 Медынского губного наказа 1555 г. не разрешает губным старостам и целовальникам отправку дел на доклад в Москву: «а списков в розбойных и в татиних делах старостам и целовальником на Москву к бояром к докладу не посылати»⁴.

¹ АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 357, 390 (+ включенный акт); Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в. / Сост. А. В. Антонов. М., 1997. Т. 1. № 228, 229 (две грамоты), 296; М., 2002. Т. 3. № 154, 457; М., 2008. Т. 4. № 220, 502; АФЗХ. М., 1951. Ч. 1. № 1а, 222; РИБ. СПб., 1875. Т. 2. № 186; Пг., 1915. Т. 32. № 74, 123; Каиштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. № 40; Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России / Собрал и издал А. А. Федотов-Чеховский. Киев, 1860. Т. 1. № 45, 57; Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. № 17.

² Памятники русского права. М., 1955. Вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV–XV вв. С. 351.

³ Памятники русского права. М., 1956. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства XV–XVII вв. С. 246.

⁴ Там же. С. 185.

Кроме того, о передаче разбирательства на доклад упоминается и в сохранившихся судебных документах: семь из 20 уголовных дел передавались на доклад, шесть из них датируются концом 1510-х – 1540-ми гг. и лишь одно 1490 г.⁵

Избранные хронологические рамки охватывают период от самой ранней сохранившейся правой грамоты 1416 г.⁶ до середины XVI в. – времени, когда формуляр судебных документов претерпел значительные изменения, отразившие усложнение судопроизводства: появились новые участники судебного процесса (недельщики, доводчики, приставы), новые виды судебных документов (обыскной список, срочная грамота), было упорядочено взимание судебных пошлин, появились судебное расследование (обыск), новые способы дознания (пытка, очная ставка), стала проводиться проверка письменных доказательств, предъявлявшихся сторонами. Середина XVI в. – это время формирования в Московском государстве приказной системы, в частности Поместного приказа, который стал ведать земельными спорами. Кроме того, середина XVI в. – это время принятия нового свода законов, Судебника 1550 г.

Анализ постановлений Судебника 1550 г. о процедуре доклада выходит за хронологические рамки настоящей статьи, а Судебник 1497 г. не регулировал сферу земельного суда [Калашникова, 2020]. Кроме того, в Судебниках ничего не говорилось о докладе земельных судебных разбирательств. По этой причине фокус исследования будет смещен с законодательных норм на правоприменительные акты, анализу которых в исследовательской литературе уделено намного меньше внимания, чем памятникам законодательства.

Рассмотрим схему земельного судебного разбирательства. Сторона, считавшая, что ее права на землю нарушены, обращалась к великому (или удельному в зависимости от подсудности) князю с просьбой разобраться в конфликте. В некоторых случаях князь лично разрешал спор, но чаще он (устно или письменно с помощью указной грамоты⁷) давал распоряжение отправиться на спорные земли судьбе, который либо разбирал дело на месте и выносил решение, либо после предварительного разбирательства отправлял его на доклад. Причины, по которым то или иное дело следовало отправить на доклад, определялись статусом и полномочиями судьи, а также подсудностью сторон спора.

Доклад принимал сам великий князь или должностное лицо, которому он это поручал. Например, при Иване III в 1480-х гг. земельные дела разбирал Иван Иванович Молодой: сохранилось 8 грамот, в которых он упоминается как судья, принимавший доклад⁸, и еще три, в которых он разбирал дело с начала и до конца⁹. Статус судьи, принимавшего доклад, всегда был выше статуса судьи, разбиравшего дело на месте. Обе стороны, истец и ответчик, должны были присутствовать на докладе (чаще всего это означало, что они должны были ехать в Москву) и подтвердить подлинность прочитываемого вслух судебного списка, в котором излагался протокол первоначального судебного разбирательства. Затем судья, принимавший доклад, выносил решение по делу. Однако на этом судебный процесс не заканчивался. Несмотря на то что принятое на докладе решение уже не пересматривалось, необходимо было оформить дополнительный документ, фиксирующий вынесенный вердикт. Судья, принимавший доклад,

---

⁵ Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России. Т. 1. № 45, 57; РИБ. Т. 2. № 186; АСЭИ. Т. 3. № 390; Акты служилых землеладельцев XV – начала XVII в. Т. 1. № 228, 229, 296.

⁶ АСЭИ. Т. 3. № 31. С. 53–54.

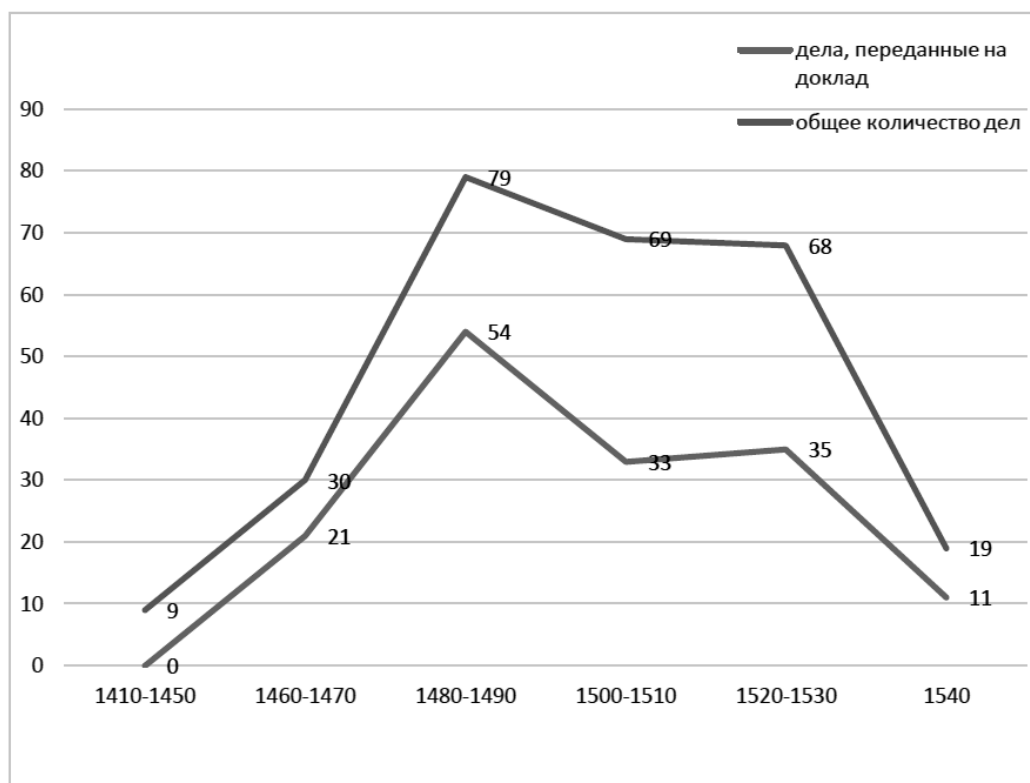
⁷ Текст такой указной грамоты мы встречаем в докладной правой грамоте 1473–1489 гг. суда Ивана Сухого, доложенной великому князю Ивану Васильевичу, выданной игумену митрополичьего Пречистенского монастыря Василию на земли у реки Конши в Костромском уезде, которые оспаривались детьми боярскими Дмитрием, Крюком и Остафьем Рожновыми (АФЗХ. Ч. 1. № 249. С. 213).

⁸ АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 523, 524, 525, 537, 538, 539; М., 1958. Т. 2. № 481, 483.

⁹ АСЭИ. Т. 1. № 521, 522; Русский дипломатарий. М., 1997. Вып. 1. № 17. С. 50.

приказывал судье, начавшему земельное разбирательство, вынести тот или иной приговор и выдать об этом докладную правую грамоту победившей стороне.

На диаграмме ниже показано, как судебные дела, передаваемые на доклад, распределяются по десятилетиям и как их число соотносится с общим числом сохранившихся судебных документов¹⁰.

Как видим, от первой половины XV в. не сохранилось судебных документов, прошедших через процедуру доклада. От этого времени до нас дошло всего 10 документов, включая одну грамоту с широкой датировкой 1440–1460-е гг.¹¹ Едва ли этого материала достаточно для того, чтобы утверждать, что процедура доклада в это время не использовалась; возможно, не сохранились документы, фиксировавшие ее. На диаграмме также видно, что количество земельных дел в 1480–1490-х гг. резко возросло. Этот рост мы связываем с земельными описаниями последней четверти XV в., которые, будучи первым государственным явлением такого рода, вызвали больше споров, чем последующие описания 1530–1540-х гг. В целом, сохранившиеся источники дают нам картину устойчивого использования процедуры доклада в судопроизводстве во второй половине XV – первой половине XVI в.

В историографии существует два взгляда на процедуру судебного доклада: исторический и юридический. Большинство современных исследователей называет доклад судом второй или высшей инстанции [Алексеев, с. 118; Кобрин, с. 170; Кром, с. 459–462; Клосс, Назаров, с. 69; Пашкова, с. 104]. Понятие инстанции предполагает возможность пересмотра решений нижестоящего суда вышестоящим. Этот термин применительно к докладу утвердился в литературе под влиянием работ Л. В. Черепнина [Черепнин, 1951, с. 230; Черепнин, 1952,

¹⁰ В диаграмме учтено 273 судебных документа; 27 документов оказались неиспользованными из-за широкой датировки, не вписывающейся в хронологическую сетку диаграммы.

¹¹ АСЭИ. Т. 2. № 90, 450; Т. 3. № 31, 32, 319 (упоминание о суде первой половины XV в.); Каиштанов С. М. Очерки русской дипломатии. № 6, 9.

с. 649]. Однако последний, как нам представляется, описывая разновидности судебных документов, не имел в виду суд высшей инстанции, пересматривающий решение первой инстанции, а лишь хотел подчеркнуть разницу статуса этих судов, понимая под первым местный суд, а под вторым – центральный. Л. В. Черепнин писал: «Под докладным списком подразумевался протокол судебного разбирательства (судный список), передававшийся низшим судьей на доклад высшей инстанции (боярскому или княжескому суду), с вызовом сторон. Решение высшего суда подписывалось на обороте судного списка. На основании этого решения судья, ведший первоначально дело и составивший судный список, выдавал стороне, признанной правой, правую грамоту» [Черепнин, 1951, с. 230]. Тем не менее использованное Л. В. Черепниным понятие «высшая инстанция» закрепилось в историографии применительно к докладу, и, соответственно, судебное разбирательство на месте стали называть судом низшей инстанции.

С юридической точки зрения называть доклад судом высшей инстанции не вполне корректно, поскольку судебная инстанция предполагает пересмотр дела, тогда как во время доклада первоначальное разбирательство не пересматривалось, напротив, именно на его основе выносился приговор¹². На это еще XIX в. обратил внимание правовед Ф. М. Дмитриев. Перед тем как передать дело на доклад, низший судья сам не выносил приговор. Таким образом, судебное разбирательство на месте выступало в роли подготовительной части к процедуре доклада; инстанция была одна, но она разделялась на две части – следственную и обвинительную [Дмитриев, с. 152–154, 288–291]. С выводами Ф. М. Дмитриева согласились его коллеги Н. А. Дювернуа, Г. К. Стефановский и Н. И. Ланге [Дювернуа, с. 410; Стефановский; Ланге, с. 171]. В современной историографии к идеям дореволюционных историков права вернулся К. В. Петров. Он полагает, что «о двух судебных инстанциях можно говорить в тех случаях, когда иной (второй) судебный орган по жалобе заинтересованного лица, либо по собственной инициативе производит новое (повторное) рассмотрение дела уже после вынесения по нему решения» [Петров, с. 114]. Обозначенная «юридическая» позиция представляется нам более убедительной.

Помимо судебного доклада существовал еще доклад для широкого круга сделок. Он фиксировался в докладных данных, купчих, мировых, деловых, закладных и разводных грамотах. В определенных случаях совершения сделки перед свидетелями было недостаточно, и стороны обращались к правомочному представителю власти. Н. А. Дювернуа считал, что это могло происходить по двум причинам: для усиления достоверности и прочности сделки и в случае совершения сделки людьми разной юрисдикции [Дювернуа, с. 213–214]. Н. А. Дювернуа трактовал доклад как санкцию власти на совершение сделки.

Согласно Судебнику 1497 г. (ст. 20) процедура доклада использовалась при изменении положения холопов (выдача, оформление беглой и отпускной грамот): «А наместником и волостелем, которые держат кормления без боярского суда, холопа и робы без доклада не выдати, ни грамоты беглые не дати; також и холопу и робе на государя грамоты правые

---

¹² В 69-й статье Судебника 1550 г. рассмотрена процедура разбирательства, которая применялась в случае, если присланный на доклад судный список признавался поддельным: «А пришет наместник или волостель или их тиуни список судной к докладу, а будет ищя или ответчик у доклада список оболживит, ино послати на правду по дворсково, и по старосту, и по целовалников, которые у того дела в суде сидели, да велети им того дела и противень списка наместнича или волостелина дьяка руку с наместничею или с волостелиною печатью на исправу с собою привести. ... А скажут судные мужы, что суд был, да не таков, и список не земского дьяка рука, и руки, скажут, у списка не их, и противень будет наместнича или волостелина дьяка с судным списком не слово в слово, и по тому списку исцев иск взяти на судье, а пеню судье сверх того, что государь укажет» (Памятники русского права. Вып. 4. С. 250–251). Подчеркнем, что речь шла не о пересмотре решения, принятого на первоначальном судебном разбирательстве, а лишь о случае фальсификации судного списка и ответственности именно за это.

не дати без доклада, и отпустные холопу и робе не дати»¹³. Позднее в Судебнике 1550 г. также подчеркивалось, что отпускные грамоты давались «с боярского доклада» в Москве, Новгороде и Пскове (ст. 77): «А отпускные давати з боярского доклада; а бояром к тем отпускным печати свои прикладывати, а дьяком подписывати. А отпускные давати на Москве бояром и дьяком, да давати отпускные в Великом Новгороде да во Пскове наместником и дьяком»¹⁴. Кроме того, существовала отдельная категория холопов – докладные люди, чья зависимость фиксировалась при помощи докладных грамот. В спорах о сути докладного холопства, начавшихся еще на рубеже XIX–XX вв., затрагивалась и проблема доклада. В. И. Сергеевич утверждал, что докладное холопство – это не особый вид зависимости, а лишь способ его установления. Любая грамота (полная, кабальная), оформлявшая зависимость холопа «з доклада», была, с его точки зрения, докладной. В. И. Сергеевич выдвинул гипотезу, что доклад был необходим для правительственного контроля над сделками, в частности над сделками об отчуждении личной свободы [Сергеевич, с. 145–146]. Н. П. Павлов-Сильванский не соглашался с его гипотезой. Он выделял докладных холопов как отдельную категорию сельских ключников-рабов [Павлов-Сильванский, с. 329–330]. Свое название они получили по источнику рабства – докладной грамоте; продажа «на ключ» сопровождалась докладом наместнику. Эта зависимость была наследственной и юридически ничем не отличалась от полного холопства; различались только источники рабства. Д. Я. Самоквасов считал, что докладные холопы – это приобретенные по судебным решениям беглые люди, а также те, принадлежность которых вызывала споры. Он связывал холопский статус с судебным докладом: поскольку судебное разбирательство проходило через доклад, то и холопы, приобретаемые в ходе этого разбирательства, назывались докладными [Самоквасов, с. 85]. Как видим, в исследовании Д. Я. Самоквасова судебный доклад отождествлялся с докладом при оформлении холопства.

Наиболее детально проблема докладного холопства исследована в работах Е. И. Колычевой. Она выделяла докладное холопство как особую категорию зависимости, характерную для XVI в., которая оформлялась грамотами о продаже «на ключ» с начальной формулой: «доложа наместника (третника) ...». Сохранилось 24 таких грамоты, выданных между 1484 и 1600 гг. [Колычева, с. 24]. Е. И. Колычева выделила 1) полные грамоты, которые проходили процедуру доклада и фиксировали особые случаи поступления в холопы (женитьба на рабе, служба «по ключу», по тиунству), и 2) докладные грамоты, фиксировавшие зависимость сельской верхушки холопией иерархии привилегированных слуг-министерялов [Колычева, с. 25–29]. С этой трактовкой докладного холопства согласился В. М. Панеях [Панеях, с. 10].

Итак, мы видим, что в XIV–XVI вв. доклад мог использоваться в суде и при заключении сделки, в том числе при оформлении холопства. Рассмотрим виды документов, фиксировавших доклад. Докладных актов за конец XIV – начало XVI в., оформлявших сделки, из более чем полутора тысяч документов, опубликованных в трех томах АСЭИ, сохранилось 95. Все они представляют собой частные акты. Большинство из них – купчие (38 грамот)¹⁵. Сохранилось также 17 ранних рязанских кабал – докладные заемные (5 грамот), заемные служилые (10 грамот) и заемные закладные (2 грамоты)¹⁶. Еще 9 грамот относятся к категории докладных мировых¹⁷,

¹³ Памятники русского права. Вып. 3. С. 349.

¹⁴ Памятники русского права. Вып. 4. С. 254–255.

¹⁵ АСЭИ. Т. 1. № 83, 211, 301, 406; Т. 2. № 2–7, 10–22, 31, 33, 34, 41, 52, 58–73, 83, 86, 385а; Т. 3. № 367.

¹⁶ АСЭИ. Т. 3. № 348–350, 358, 368, 370, 371, 376, 378–384, 386, 387. В. М. Панеях отмечал, что термин «кабала» появился в русском языке на рубеже XIV–XV вв. и обозначал заемную расписку, письменное долговое обязательство. Этот термин входил в названия документов, оформлявших разные виды займов – ростовой, закладной, служилый. Между всеми этими кабалами существовала близость. В. М. Панеях считал, что служилая кабала сложилась в XV в. в результате сочетания клаузул заемной и закладной кабал (см.: [Панеях, с. 14–16]).

¹⁷ АСЭИ. Т. 1. № 214, 396, 510, 549, 554; Т. 2. № 189, 190, 385, 442.

2 докладные закладные кабалы¹⁸, 18 докладных полных¹⁹, 7 грамот об отводе и разделе земель²⁰, 3 меновые²¹, 2 данные²². Наиболее ранние докладные документы имеют широкую датировку и относятся предположительно к концу XIV – началу XV в.²³ Если рассмотреть грамоты, сохранившиеся от отдельного региона, например от Белозерья, то картина будет схожей. А. Л. Грязнов составил перечень 1175 белозерских грамот за XIV–XVI вв., из которых только 56 являются докладными. Большинство из них – это купчие (43 грамоты)²⁴, также сохранились 2 данные²⁵, 3 меновые²⁶, 1 деловая²⁷, 5 разъезжих²⁸ и 2 мировые²⁹. Больше половины белозерских докладных купчих было составлено до 1427 г., а на весь XVI в. приходится всего 6 таких грамот. Таким образом, число сохранившихся докладных грамот, фиксирующих сделки, относительно невелико (примерно 1/20 от общего числа сохранившихся грамот). Большая их часть приходится на конец XIV – первую половину XV в., от XVI в. сохранились единичные грамоты, фиксирующие докладные сделки. Выявление причин немногочисленности таких документов, а также их исчезновения в XVI в. – тема отдельного исследования. Пока можно предположить, что со временем контроль над земельными сделками стал осуществляться не при помощи доклада, являвшегося громоздкой процедурой, требовавшей длительного времени, а другими способами.

В частных актах, проходивших через доклад, во вводной формуле сообщалось о процедуре доклада, контрагентах и объекте сделки. Она выглядела следующим образом: «Доложа тиуна Иванова Борисовича Самойла, се яз, игумен Кирило, купил есми в дом пречистой Богородици у Серка пол-деревни Волковские»³⁰ – в докладных купчих; «Доложа своего господина Аврамия, владыки суждалского, се яз, князь Ондреи Ондреевичь, меняль есмъ свою вотчину...»³¹ – в меновых; «Доложа Бориса Матфеевича Слепца, се яз Матрена, Ивана жона Сабурова, дали есми в дом жовоначалной Троице...»³² – в данных. В ранних купчих грамотах иногда упоминание о докладе ставилось на второе место после имени покупателя: «Се яз, Кирило игумен, доложа тиуна Ивана Борисовича Володимера, купил есми у Василья у Ондреева пустошь Прокинскую...»³³. В докладных мировых грамотах вводная формула немного отличалась, хотя также очень близка приведенной выше: «Доложа князя Ивана

¹⁸ АСЭИ. Т. 1. № 216; Т. 3. № 465.

¹⁹ АСЭИ. Т. 3. № 392, 400, 407, 409, 410, 414, 428, 429, 431, 437, 439, 443, 445, 452, 453, 455–457.

²⁰ АСЭИ. Т. 1. № 257, 378, 446, 544; Т. 2. № 173, 289, 403.

²¹ АСЭИ. Т. 1. № 489; Т. 2. № 384, 441. С. 483.

²² АСЭИ. Т. 1. № 515. С. 389–390; Т. 3. № 497.

²³ АСЭИ. Т. 2. № 2–8.

²⁴ Грязнов А. Л. Белозерские акты XIV–XVI вв. Исследование и перечень. Вологда, 2019. № 2, 7–12, 14–26, 33, 35, 36, 43, 73, 80–82, 87, 88, 103–105, 115, 117, 241, 379, 472, 612, 783, 852, 933, 936.

²⁵ Грязнов А. Л. Белозерские акты XIV–XVI вв. ... № 78, 711.

²⁶ Там же. № 83, 316, 797.

²⁷ Там же. № 130.

²⁸ Там же. № 387, 392, 658; в грамотах № 272 и 273 также идет речь о межевании земель – это докладные записи-обязательства соблюдать разделы владений.

²⁹ Грязнов А. Л. Белозерские акты XIV–XVI вв. ... № 192, 893.

³⁰ Докладная купчая 1397–1427 гг. игумена Белозерского монастыря Кирилла на деревню Волковскую, купленную у Серка и Тимошки // АСЭИ. Т. 2. № 11. С. 19.

³¹ Докладная меновая 1440–1444 гг. князя Андрея Андреевича [Ногтева?] архимандриту Спасо-Евфимиева монастыря Фоме на с. Коровничское // АСЭИ. Т. 2. № 441. С. 483.

³² Докладная данная 1485 г. мая 15 Матрены Сабуровой игумену Троице-Сергиева монастыря Макарию на половину варницы // АСЭИ. Т. 1. № 515. С. 389.

³³ Докладная купчая 1397–1427 гг. игумена Белозерского монастыря Кирилла на пустошь Прокинскую, купленную у Василя Андреева [Кормилицына] // АСЭИ. Т. 2. № 14. С. 20. Другие докладные купчие с такой формулой см.: Там же. № 2, 3, 8, 15–20.

Юрьевича, се яз, Александр Семенов сын Карачов, да яз, Орина Семенова жена Карачева, и в дочери своей место Офимьино кончала есми, господине, промеж собою...»³⁴.

Описание процедуры доклада в судебных документах выглядит иначе, чем в частных актах. Оно помещалось ближе к концу грамоты, поскольку ему предшествовало изложение судебного разбирательства, проводимого на месте преступления. Судебный доклад предуведомлялся формулой о передаче дела другому судье: «И о сем судьи реклись доложить государя великого князя» – и начинался формулой, в которой сообщалось, кому передали дело и кто представлял стороны на докладе: «Перед княземъ Данилом Александровичем судьи Михайло Шапкин да Голова Семенов сесь список положили и обоих истцов – ищею Федка Ефунина Ярогомжуского села и ответчика, в Мартемьяново место, старца Кириловского монастыря Галасея Шелешпальского – поставили»³⁵. Далее следовало подробное изложение процедуры: судный список прочитывался вслух, истец и ответчик подтверждали его подлинность, судья на докладе принимал решение по делу и отдавал распоряжение судье, начавшему разбирательство, оформить это решение. Изложение процедуры судебного доклада имело устойчивую форму и не менялось в течение XV – первой половины XVI в. Древнейшие судебные документы, в которых встречается доклад, относятся к 1460-м гг.³⁶, и описание этой процедуры в них в целом соответствует более поздним образцам XVI в.

Судебные документы, прошедшие процедуру доклада, отличались оформлением. Во время первоначального разбирательства, проводимого на месте нарушения прав собственности, составлялся судный список. Этот документ пересылался на доклад без заверки печатями или подписями. Его достоверность подтверждали истец и ответчик, которые также присутствовали на докладе и перед которыми судный список прочитывался вслух. Процедура доклада дописывалась на судном списке иногда на лицевой стороне грамоты, но чаще на обороте. Анализ манеры письма, а также состава чернил при съемке в ближнем инфракрасном спектре позволяет заключить, что процедура первоначального разбирательства и процедура доклада записывались разными писцами, которые использовали разные чернила³⁷. После вынесения решения по делу на докладе судный список заверялся печатью судьи, разбиравшего дело на докладе, и подписью дьяка. Поскольку на основе судного списка составлялась докладная правая грамота, фиксирующая решение по делу, судный список после помещения на него процедуры доклада нуждался в защите от подделки, в качестве которой и выступали печати и подписи.

Очень ценным для проблемы родства судебного доклада с докладом частных актов является исследование С. Н. Валка о полных грамотах. До сегодняшнего дня эта статья, опубликованная в 1922 г., не потеряла своей актуальности и остается единственной работой, затрагивающей эту проблему. С. Н. Валк, сопоставив формулы судебного доклада и доклада о частных сделках, предположил, что изначально они были едины [Валк, с. 126]. Он считал, что судебный доклад выражался более древней формулой, в которой ученый видел сохранившиеся

³⁴ Докладная мировая 1490/91 г. Александра Семеновича Карачева и его мачехи Ирины Карачевой о разделе вотчин в Старицком уезде // АСЭИ. Т. 2. № 549. С. 427.

³⁵ АСЭИ. Т. 2. № 286. С. 197–198.

³⁶ Там же. № 374, 375, 463; АСЭИ. Т. 3. № 55, 56; АФЗХ. Ч. 1. № 103.

³⁷ Мы исследовали в ближнем ИК-спектре судный список 1526 г. суда князя Андрея Кемского и Бориса Филипова сына Погожево, доложенный дьяку великого князя Афанасию Федоровичу Курицину, выданный келарю Кирилло-Белозерского монастыря Исаку и старцу Алексею на пожни Перхинские, оспариваемые келарем Ферапонтова монастыря Мартемьяном (Архив СПбИИ РАН. Ф. 12 (Коллекция Археографической экспедиции («Акты П. М. Строева»)). Оп. 1. Д. 659). ИК-снимки показали, что чернила, используемые на лицевой части грамоты, где помещен протокол начального разбирательства, более прозрачны в ИК-спектре, чем чернила оборота грамоты, где помещена процедура доклада. На лицевой стороне судного списка видны только следы клякс, подтеков и сильного нажима пера, тогда как на обороте целые очертания букв. Это позволяет заключить, что процедура доклада была записана другими чернилами.

проявления обычного права с характерными для него элементами обрядности: присутствие князя и судных мужей, символика дерна и иконы при межевании. Постепенно к XVI в., по мнению С. Н. Валка, доклад эволюционировал в уведомление о сделке, явку, выражавшуюся формулой «Доложа такого-то, се яз, такой-то, купил/дал/менял/занял...». В отличие от В. И. Сергеевича, для которого доклад был актом правительственного контроля, С. Н. Валк считал доклад реликтом обычного права [Валк, с. 124].

Мы не можем согласиться с гипотезой С. Н. Валка, поскольку клаузула «Доложа такого-то, се яз, такой-то, купил», которую он считал более поздней, встречается уже в ранних грамотах. Так, одна из первых купчих грамот игумена Кирилла Белозерского, датируемая 1397–1410 гг., являлась докладной и начинается той же формулой: «Доложа тиуна княж Юрьева Ивана Лвова, се яз, игумен Кирило, купил есми у Фрола у Остафьева сына поженки Митяевский...»³⁸. Вместе с тем формула судебного доклада («Доложа князя такого-то, судьи такие-то, сей список положили и обоих истцов таких-то поставили») устойчиво использовалась в судопроизводстве только во второй половине XV – первой половине XVI в. Таким образом, предположение С. Н. Валка о древности формул именно судебного доклада едва ли подтверждается на материале источников. Некоторое время (вторая половина XV – начало XVI в.) формулы судебного доклада и доклада частных актов существовали одновременно, однако судебный доклад появился в документах позже, а доклад частных актов исчез раньше.

Как мы показали, формулы, сообщающие о докладе в судебных документах и частных актах, обычно различны, но существуют исключения. Мы выявили три случая, когда при оформлении сделок были использованы некоторые приемы, характерные для оформления судебных документов.

Докладная закладная кабала 1447–1455 гг., сохранившаяся в подлиннике, начинается следующей формулой: «Се яз, Васюк Нога Есипов сынъ, занял есми оу троецкого старца оу Геронтья Сергеева монастыря два рубля с четвертью...»³⁹. Далее следует изложение условий сделки: деньги Васюк Нога Есипов занял под залог своих земель (Лукинской пустоши), указывались границы заложенной земли, в счет процентов по займу старцу Геронтию разрешалось выкашивать пустошь. Грамота завершается перечислением имен свидетелей и указанием имени писца. На обороте была помещена запись о докладе: «Став перед Климентьем Григорьевичем, Васка Есипов Нога сказал, что занял у троецкого старца у Геронтья два рубля с четвертью и сю кабалу на себя дал; да и то сказал, что въвел Геронтью свою пустошь Лукинскую пустошь по рубеж по Кашинской в тех денгах, что в сеи кабале писаны. И Климентии Григорьевич к сеи кабале и печать свою приложил. А подписал дьяк Семен»⁴⁰. Эта клаузула не является типичной: она отличается как от формулы большинства докладных грамот «Доложа такого-то, се яз, такой-то, купил (или же дал, менял или занял)», так и от формуляра судебных документов. Но докладную закладную кабалу Васюка Ноги Есипова сближает с судебными документами расположение записи о докладе на обороте грамоты, то есть после изложения сути сделки.

Докладная деловая и разъезжая Федора и Семена Ивановичей Сабуровых 1474–1484 гг. в Ростовском уезде (подлинник)⁴¹. В грамоте зафиксирован раздел земель между племянниками и дядьями Сабуровыми: Федор и Семен Ивановичи купили села у Василия и Семена Федоровичей. Запись о докладе здесь близка, докладным судным спискам не только тем, что помещена на обороте, но и самой формулой: «Перед князем Иваном Юрьевичем сесь

---

³⁸ АСЭИ. Т. 2. № 4. С. 17. О ранних купчих грамотах преподобного Кирилла см.: [Копанев, с. 88–89].

³⁹ АСЭИ. Т. 3. № 465. С. 448.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ АСЭИ. Т. 1. № 446. С. 333–334.

список Ондреи в отца своего место Федорово Иванова сына Федоровичя Сабурова ... да Семен Иванов сын Федоровичя Сабурова положили и сказали ...»⁴².

Рязанская докладная купчая Ивана Селивановича Корабьи на село Неходовское 1464–1482 гг. «Се бил челом великому князю Василью Ивановичу Иван Селивановичь Корабья, а ркучи тако: Купил есми, господине, себе у Васьки у Чернеева куплю ево село Неходовское с нивами и с пожнями и со всем с тым, что к тому селу изстарины потягло, поколе Васьков серп и коса ходила; а мне, господине, ведати по тому же. А дал есми, господине, Васьки на том селе пятнадцать рублев. А се, господине, Васько Чернеев перед тобою. И князь великий спросил Васьки: Продад ли еси село свое Неходовское Корабьи? А пятнадцать рублев у него еси взял ли? И Васько Чернеев тако рекл: Продад есми, господине, Ивану Селивановичу Корабьи село свое Неходовское с нивами и с пожнями и со всем с тым, что к тому селу изстарины потягло, поколе мой серп и коса ходила; а ему, господине, ведати по тому же. А взял есми у нево, господине, пятнадцать рублев. А тогда были у великого князя бояре Яков Иванович, да Назарей Юрьевич»⁴³. Формуляр этой купчей в наибольшей степени (если сравнивать все три грамоты между собой) близок правой грамоте. Формула «А се, господине, Васько Чернеев перед тобою» сопоставима с формулой представления свидетелей судь. Дальнейший допрос Васьки Чернеева формулами «И князь великий спросил» и «И Васько Чернеев тако рекл» также напоминает судебный допрос. В других грамотах этого вида таких формул не находим. Сохранилось еще 17 рязанских докладных заемных и заемных служилых кабал 1490–1510-х гг.⁴⁴ Все они начинаются с обычной формулы: «Доложа такого-то, се яз, такой-то, занял...», поэтому особенность формуляра купчей 1464–1482 гг., расходящегося с традициями рязанского делопроизводства, вероятно, следует объяснять влиянием судебного формуляра.

Итак, мы считаем, что доклад как часть судебной процедуры не следует смешивать с докладом – заверением сделки. Это были разные по содержанию процедуры. Одно и то же понятие «доклад» использовалось 1) в XIV–XV вв. при заверении сделки представителями власти (купли, обмена, раздела, вклада), 2) в суде во второй половине XV – XVI в., когда дело после предварительного рассмотрения передавалось другому судье, 3) при оформлении холопства и кабальной зависимости: в XV в. полные грамоты докладывались (при поступлении на должности тиунов и ключников; при женитьбе свободного человека на рабе); в XVI в. появляются докладные грамоты для оформления докладного холопства – узкой группы привилегированных сельских слуг-министерялов. Во всех этих случаях доклад можно расценить как элемент контроля власти над решением дел, по которым то или иное имущество меняло своего хозяина. Развивая идею В. И. Сергеевича о докладе как правительственном контроле над сделками, можно заключить, что доклад позволял контролировать не только отчуждение личной свободы, как это было в случае с полными и докладными грамотами, но и земельные вклады в монастыри (данные грамоты), а также земельный суд.

Литература

Алексеев Ю. Г. У кормила российского государства: Очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб., 1998. 347, [1] с.

Валк С. Н. Грамоты полные // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пб., 1922. С. 113–132.

Дмитриев Ф. М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1859. 580, [4], 4 с.

⁴² Там же. С. 334.

⁴³ АСЭИ. Т. 3. № 365. С. 387.

⁴⁴ Там же. № 348–350, 358, 368, 370, 371, 376, 378–384, 386, 387.

- Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в древней России: Опыты по истории русского гражданского права. М., 1869. 413, [5], 4 с.
- Калашикова А. А. Русские судебные документы XV – первой половины XVI в. как источник по истории правоприменения // На пути к государствам Нового времени: Запад и Восток Европы в конце XV – XVII веке. Калуга, 2020. С. 316–343.
- Калашикова А. А. Русские судебные документы XV – первой половины XVI в. как исторический источник. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2021. 329 с.
- Клосс Б. М., Назаров В. Д. Судебник 1497 г.: рукопись и текст // Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI–XIX вв. М., 2000. С. 53–75.
- Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985. 279 с.
- Кольчева Е. И. Холопство и крепостничество (конец XV – XVI вв.). М., 1971. 255 с.
- Копанев А. И. История землевладения белозерского края XV–XVI вв. М.; Л., 1951. 255 с., 3 отд. л. карт.
- Кром М. М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30–40-х гг. XVI в. М., 2010. 888 с.
- Ланге Н. И. Древние Русские смесные или вобчие суды. М., 1882. IV, 234 с.
- Павлов-Сильванский Н. П. Сочинения. СПб., 1909. Т. 1. Государевы служилые люди. Люди кабальные и докладные. [X], 336 с.
- Панеях В. М. Холопство в XVI – начале XVII века. Л., 1975. 268 с.
- Пашикова Т. И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в.: Наместники и волостели. М., 2000. 214, [1] с.
- Петров К. В. Процедура судебного «доклада» в русском праве XV – первой половины XVI в.: к истории формирования судебных органов в России // Государство и общество в России XV – начала XX века. Сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007. С. 106–115.
- Самоковасов Д. Я. Архивный материал. М., 1909. Т. 2. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. 590 с.
- Сергеевич В. И. Древности русского права. СПб., 1909. Т. 1. Территория и население. XV, 688 с.
- Стефановский Г. К. Разграничение гражданского и уголовного судопроизводства в истории Русского права // ЖМНП. 1873. Ч. 165. С. 252–366.
- Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М., 1951. Ч. 2. 427 с.
- Черепнин Л. В. Акты конца XIV – XV вв., их разновидности и значение в качестве исторического источника // АСЭИ. М., 1952. Т. 1. С. 638–650.

References

- Alekseev, Yu. G. U kormila rossiiskogo gosudarstva: Ocherk razvitiya apparata upravleniya XIV–XV vv. [At the Steer of the Russian State: An Outline of the Development of the Management Apparatus of the 14th – 15th Centuries]. Saint Petersburg, 1998. 347, [1] p.
- Cherepnin, L. V. Russkie feodal'nye arkhivy XIV–XV vv. [Russian Feudal Archives of the 14th – 15th Centuries]. Moscow, 1951. Part 2. 427 p.
- Cherepnin, L. V. Akty kontsa XIV – XV vv., ikh raznovidnosti i znachenie v kachestve istoricheskogo istochnika [Acts of the Late 14th – 15th Centuries, Their Varieties and Significance as a Historical Source]. In *Akty sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Severo-Vostochnoi Rusi kontsa XIV – nachala XVI vv.* Moscow, 1952. Vol. 1. Pp. 638–650.
- Dmitriev, F. M. Istoriya sudebnykh instantsii i grazhdanskogo apellyatsionnogo sudoproizvodstva ot Sudebnika do Uchrezhdeniya o guberniyakh [The History of Judicial Instances and Civil Appellate Proceedings from the Sudebnik to the Act of the Provinces]. Moscow, 1859. 580, [4], 4 p.
- Dyuvernua, N. L. Istochniki prava i sud v drevnei Rossii: Opyty po istorii russkogo grazhdanskogo prava [Sources of Law and the Court in Old Rus: Essays on the History of Russian Civil Law]. Moscow, 1869. 413, [5], 4 p.
- Kalashnikova, A. A. Russkie sudebnye dokumenty XV – pervoi poloviny XVI v. kak istochnik po istorii pravoprimeneniya [Russian Court Documents of the 15th – the First Half of the 16th Century as a Source on the History of Law Enforcement]. In *Na puti k gosudarstvam Novogo vremeni: Zapad i Vostok Evropy v kontse XV – XVII veke.* Kaluga, 2020. Pp. 316–343.

- Kalashnikova, A. A. Russkie sudebnye dokumenty XV – pervoi poloviny XVI v. kak istoricheskii istochnik [Russian Court Documents of the 15th – the First Half of the 16th Century as a Historical Source]. Dissertation for the Degree of Candidate of History. Saint Petersburg, 2021. 329 p.
- Kloss, B. M., Nazarov, V. D. Sudebnik 1497 g.: rukopis' i tekst [Sudebnik of 1497: The Manuscript and Text]. In *Sudebnik 1497 g. v kontekste istorii rossiiskogo i zarubezhnogo prava XI–XIX vv.* Moscow, 2000. Pp. 53–75.
- Kobrin, V. B. Vlast' i sobstvennost' v srednevekovoi Rossii (XV–XVI vv.) [Power and Property in Medieval Russia (15th – 16th Centuries)]. Moscow, 1985. 279 p.
- Kolycheva, E. I. Kholopstvo i krepostnichestvo (konets XV – XVI vv.) [Kholopstvo and Krepostnichestvo (Late 15th – 16th Centuries)]. Moscow, 1971. 255 p.
- Kopanev, A. I. Istoriya zemlevladieniya belozerskogo kraia XV–XVI vv. [The History of Land Ownership of the Belozersky Region of the 15th – 16th Centuries]. Moscow; Leningrad, 1951. 255 p., 3 sep. l. of maps.
- Krom, M. M. “Vdovstvuyushchee tsarstvo”: politicheskii krizis v Rossii 30–40-kh gg. XVI v. [“The Dowager Kingdom”: The Political Crisis in Russia in the 30–40s of the 16th Century]. Moscow, 2010. 888 p.
- Lange, N. I. Drevnie Russkie smesnye ili vobchie sudy [Old Russian Smesnye or Vobchie Courts]. Moscow, 1882. IV, 234 p.
- Paneyakh, V. M. Kholopstvo v XVI – nachale XVII veka [Kholopstvo in the 16th – Early 17th Century]. Leningrad, 1975. 268 p.
- Pashkova, T. I. Mestnoe upravlenie v Russkom gosudarstve pervoi poloviny XVI v.: Namestniki i volosteli [Local Government in the Russian State of the First Half of the 16th Century: Governors and Volostels]. Moscow, 2000. 214, [1] p.
- Pavlov-Sil'vanskii, N. P. Sochineniya [Works]. Saint Petersburg, 1909. Vol. 1. Gosudarevy sluzhilye lyudi. Lyudi kabal'nye i dokladnye [The Sovereign's Servants. Peonage and Doklad People]. [X], 336 p.
- Petrov, K. V. Protседura sudebnogo “doklada” v russkom prave XV – pervoi poloviny XVI v.: k istorii formirovaniya sudebnykh organov v Rossii [The Procedure of Judicial “Doklad” in the Russian Law of the 15th – the First Half of the 16th Century: On the History of the Formation of Judicial Bodies in Russia]. In *Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii XV – nachala XX veka. Sbornik statei pamyati Nikolaya Evgen'evicha Nosova.* Saint Petersburg, 2007. Pp. 106–115.
- Samokvasov, D. Ya. Arkhivnyi material [Archival Material]. Moscow, 1909. Vol. 2. Novootkrytye dokumenty pomestno-votchinnnykh uchrezhdenii Moskovskogo tsarstva [Newly Discovered Documents of the Patrimonial Institutions of the Muscovite Kingdom]. 590 p.
- Sergeevich, V. I. Drevnosti russkogo prava [Antiquities of Russian Law]. Saint Petersburg, 1909. Vol. 1. Territoriya i naselenie [Territory and Population]. XV, 688 p.
- Stefanovskii, G. K. Razgranichenie grazhdanskogo i ugovnogo sudoproizvodstva v istorii Russkogo prava [Differentiation of Civil and Criminal Proceedings in the History of Russian Law]. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya.* 1873. Part 165. Pp. 252–366.
- Valk, S. N. Gramoty polnye [Acts Polnye]. In *Sbornik statei po russkoi istorii, posvyashchennykh S. F. Platonovu.* Petersburg, 1922. Pp. 113–132.

Angelina A. Kalashnikova

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

DOKLAD INSTITUTION IN RUSSIAN LAND TRIALS
IN THE 15th – THE FIRST HALF OF THE 16th CENTURIES

The paper studies the doklad institution of Russian land trials in the 15th – the first half of the 16th centuries. The procedure of doklad was applied in cases when additional consideration by a higher judge was needed. The notion of the doklad and its difference from the judicial instance has been clarified. Formulae of judicial charters used within the procedure of doklad were compared with formulae of documents that were reported to the officials (gift, sale and exchange charters). The author concludes that the doklad as part of judicial procedure should be separated from the doklad as authentication of transaction.

Keywords: doklad institution, a land court, judgement charters

